

Мои воспоминания о блокаде

А. Ф. Серов

Лето 41-го было третьим после нашего переселения за город, в Озерки.

Мы – это три семьи, состоявшие из детей и внуков моих дедушки и бабушки, общей численность двенадцать человек (из них пятеро детей).

Загород, тогда казавшийся очень далеким от города, находился в пятнадцати минутах езды на электричке от Финляндского вокзала. Это город Ленинград, но деревянные дома и гудки паровозов-«кукушек»¹, тянувших гремящие и стучащие колесами вагоны, придавали ему вид большой деревни.

Третье лето мы, дети, наслаждались природой. Трава на полянках, хвойный лес, сады и озера после городских дворов и улиц, машин и трамваев воспринимались как-то необычно радостно. Для взрослых обычность заключалась в строительстве дома, который они решили возвести по инициативе дедушки и бабушки, мечтавших иметь «свою печину и крышу над головой».

Старики с малолетней дочкой приехали в Питер в начале девяностых годов. Бедный малограмотный крестьянин уговорил свою жену, взяв свою хлеб до нови», переехать в город, обещая хорошую жизнь там.

В Питере дедушка служил дворником и подрабатывал сапожным ремеслом. Бабушка прислуживала инженеру немцу и прирабатывала стиркой белья. Дочь принимала участие в их делах и нянчила родившуюся сестренку, ставшую моей матерью.

Тот период жизни бабушка и тетка считали благополучным.

В 1914 году дедушку забрали в солдаты. Семью выгнали из «дворничкой фатеры». Немец уехал в Германию. Оставшись без постоянной работы и жилья, бабушка еле-еле сводила концы с концами, выполняя заказы на стирку и другие случайные работы: жить приходилось «у добрых людях», снимая углы за небольшую плату.

О службе в царской армии дедушка рассказывал мало. Из рассказанного им помню, что после случаев «братания» их полк был переведен с передовых позиций в Питер, где большевики убедили солдат перейти на их сторону для борьбы «за коммуны». Так дедушка стал «делать революцию».

Когда «скинули царя с престола», дедушку отпустили из армии. Работая дворником, он уже не мог обеспечить семью, а бабушкин труд прачкой совсем обесценился. Помытарившись год-другой они вернулись на родину – в деревню.

В деревне дедушку как бывшего фронтовика и «сознательного» привлекли к участию в разделе барской земли и добра меж крестьян-бедняков.

Получив надел, старики решили остаться в деревне. Но, не имея «тягла» (лошади) и скотины, не смогли стать на ноги.

Годы, прожитые в деревне, остались в памяти тетки и матери как период жестокого голода и тяжелого труда в «наймочках».

В начале двадцатых годов дедушка с семьей вернулся в Питер.

Нашу жизнь я помню с 1933–1934 годов, когда мне было около трех лет. Тогда мы жили на Большой Вульфовой (ныне ул. Чапаева) в доме, ставшем после войны заводом медицинских инструментов.

До революции этот дом был одной из гренадерских казарм, расположенных на берегу Карповки, недалеко от Большой Невки. Жить в нем было неудобно, но весело, так как было много ребят, подобных нам, а его подвал был полон таинств, воды и льда, сохранявшегося иногда до середины лета. По соседству были другие казармы, отгороженные от нашего дома забором. В них размещались воинские подразделения Красной армии.

Мы, малолетняя детвора, любили лазать на запретную территорию и путешествовать в подвале, откуда

Мать Александра Антоновна Кочнова. 1940-е гг.

не всегда удавалось выбраться без посторонней помощи. Там мы нашли наган, шашку и штык, вмерзшие в лед. Старшие ребята говорили о подземном ходе в сторону других казарм. В нем они обнаружили труп солдата царской армии. Очевидно это было правда, так как они водили туда милиционера, после чего вход в подвал был закрыт.

В первые годы заселения этого дома гражданским комендантом в нем был дедушка. Потом он стал дворником. В те годы дворник был хозяином двора, как до революции, а не только уборщиком. Хотя это было до моего рождения, но жители дома называли нас «дворничихины». Очевидно, это было связано не столько с дедушкой, сколько с бабушкой, которая, пользуясь «полномочиями» дедушки, проявляла свой властительный нрав, компенсируя этим мягкость характера дедушки.

В 1937 году дом был признан непригодным для проживания. Жильцам было предложено жилье в городе либо материальная помощь (две тысячи рублей на человека) для постройки личного дома за городом.

Сестра –
Валентина Федоровна Серова.
1950-е гг.

На семейном совете старики убедили своих взрослых детей принять второй вариант: они считали, что появилась возможность осуществить свою давнюю мечту.

Так в 1939 году мы оказались в Озерках.

Весну и лето того года мы жили во времянке, построенной в виде сарая, в котором кроме двухъярусных полатей ничего не было.

О трудностях организации строительства не знаю, но как оно осуществлялось, помню: не везло с самого начала.

Из-за ошибок разметки участка сруб трижды переносили с одного освоенного места на другое новое, что привело к большим непредусмотренным затратам.

Строительство осуществлялось наемными бригадами, которые, пользуясь неопытностью хозяев, иногда брали больше за работу, чем она стоила, иногда делали хуже, чем следовало, и, получив деньги за выполненный этап договора, уходили. Следующая бригада начинала с переделки сделанного плохо, за что брала деньги. Был случай, когда бригадир, получив аванс, сбежал, а бригада отказалась выполнять договор.

Дядя и отец принимали в стройке непосредственное участие. Будучи рослыми и сильными, они выполняли роль «тяговой силы»: вдвоем поднимали на стену сруба бревно

длиной во весь дом. А дом строили двухэтажный, четырехквартирный, каждая из которых состояла из двух вертикально расположенных комнат более двадцати квадратных метров каждая и большой веранды.

Почти все, что зарабатывали дедушка и дяди, отец и мать тратили на строительство, поэтому наше питание состояло в основном из овощей и каш, сдобренных постным маслом, сметками и килькой (в шутку называли ее тогда «на рубль сто голов»). Мы, дети, были почти лишены лакомства, а просить не было принято.

В 1939 году переехали в дом, хотя к жилью были подготовлены только нижние комнаты. После «спального особняка» дом казался нам дворцом. Больше всех радовались старики: теперь они жили «на своей печине, под своей крышей над головой», в окружении только своих детей и внуков.

С началом Финской войны трудностей прибавилось: отца призвали в армию; дядюшка сильно простудился и его били припадки; дедушка и прежде был освобожден от строительства, так как был болен «еще с той войны»; не на что было нанять рабочих. Стройка остановилась. Только один плотник, пожилой мужчина, жил и работал у нас. Он делал двери и рамы, за это мать отдавала ему почти все, что зарабатывала.

С возвращением отца, служившего на фронте пулеметчиком (я этим очень гордился), и выздоровлением после операции дядюшки стройка ожила.

Первая половина лета 1941 года была полна радости и веселья. Стояла теплая солнечная погода. Взрослые с особым усердием занимались строительством. Огорчало всех только то, что старшая тетка продала свою часть дома чужой семье и уехала (вернулась) в Великие Луки, где жила до приезда в Ленинград. Не знаю, только ли межсемейные распри из-за трудностей, связанных со стройкой, или еще какие-то причины побудили ее на это. Желание всех жить под одной крышей, без чужих, было нарушено.

Огорчение, связанное с отъездом тетки, усиливалось по мере распространения слухов о новой войне. Даже мы, ребята, обсуждали эту тему. Воспитанные на примерах героев революции, Гражданской войны и военных событиях в Китае и Монголии, мы предсказывали победу Красной армии и новые подвиги прославленных и новых героев. Все это воспроизводилось в играх в войну.

Помню случай, утверждающий серьезность отношений к военной проблеме не только взрослых, но и детей.

На экран вышел киножурнал о поездке Молотова в Берлин. Желая

Последняя фронтовая фотография отца Якова Васильевича Кочнова (верхний ряд, второй справа). Зима 1941 г.

увидеть его, я решил прогулять урок. Придя в кино, обнаружил, что нет денег, а надо полтора рубля. У меня был серебряный полтинник, который хранил для коллекции. Учтя мое желание посмотреть журнал, контролер продала билет за этот полтинник. Причину опоздания на уроки учительница признала уважительной.

22 июня 1941 года мы, группа ребят и дедушка, возвращались из леса, уйдя туда утром. День, как по заказу, был теплый, ясный и удачный. Все несли полные корзины грибов. Дедушка радовался не меньше нас, так как любил жареные грибы. Нас рапирало желание похвалиться товарищам особо интересными находками, но на улице никого не было. Над поселком нависла непривычная тишина. Остановившись около дома, из окна которого слышались какие-то странные возгласы (то ли ругаются, то ли рыдают), дедушка окликнул хозяина и спросил: «Что случилось?» – «Война», – произнес тот.

Как дошли до дома, не помню. Помню вой бабушки и жены дядюшки, обнимавшей своих четверых детей (старшему четыре года, младшей меньше года). Отца и дядюшки дома не было: они ушли в военкомат. Нервозная напряженность передавалась нам, детям, каким-то страхом.

Происходившее воспринимал я с двойным чувством: чувством гордости, наваянным фильмами «Чапаев», «Джюльбарс» и им подобным, и чувством грусти, связанным с воспоминанием о прощании с отцом в период Финской войны.

В конце или уже после Финской войны отец приехал домой «на побывку». Побыв отпущенный ему срок, дня два-три, он собрался к отъезду. Я напросился его проводить вместе с матерью. Не знаю, что привело меня к истерике в момент его отъезда (обычно я был сдержанным). Обхватив его шею, я ревел, не отпускал его. Расцепив мои руки, отец уже на ходу поезда прыгнул на ступеньку вагона, а я потерял сознание. Очнулся дома. Первое, что я увидел – отца, склонившегося надо мной. Радость была недолгой: вечером пришли двое военных с винтовками и увели его. Вскоре нам сообщили, что его судили и в наказание направили на разминирование объектов, находящихся на террито-

Тетя Фаина и мама (справа). 1950-е гг.

рии, ставшей нашей, хотя он подлежал демобилизации. Конец войны для него и нас отсрочился. Я считал себя виновным в случившемся. Это чувство вины теперь сдерживало порыв разреветься отец и дядя объявили об уходе на войну.

Отец ушел на другой день, рано утром. Сейчас пытаюсь вспомнить его лицо в день ухода, но не могу. Помню многие мелочи, а его нет.

Через несколько дней проводили дядюшку. Вскоре исчез муж младшей тети. Говорю «исчез» потому, что не знаю: ушел ли он в армию или сбежал.

Тетя вышла за него замуж незадолго до войны. Он никому в семье не нравился: был лодырем, симулянтом и пьяницей. Судя по его рассказам, промышлял воровством. За недолгое время жизни в нашем доме исчезал не раз. О нем забыли скоро.

Особенность и серьезность этой войны чувствовалось во всем: в радиопередачах, в усилении агитации патриотизма, в реакции взрослых ко всему, что было с нею связано.

Об информации по радио о важных событиях стали предупреждать заранее. Такие передачи ожидалось с нетерпением и страхом. Слушали их коллективно, а на улицах – собравшись толпой. Активно обсуждали услышанное.

Выступление Калинина, а позже и Сталина подчеркивало чрезвычайность надвигающихся событий. Фраза Сталина «Наше дело правое.

Враг будет разбит. Победа будет за нами», ставшая каким-то заклинанием, повторялась по радио часто. Она внушала не только уверенность в благополучном исходе в войне, но и неизбежность больших трудностей, предшествующих победе. Плакаты типа «Родина-мать зовет!», «Бей штыком, гранатой бей, бей чем хочешь, но убей!» настраивали к самопожертвованию ради победы не только взрослых, но и нас, пацанов. Такая усиленная агитация внушала грандиозность ожидаемых потерь и предупреждала о суровой ответственности за не проявление патриотизма. В Финскую войну такого не было.

События, связанные с военными действиями, начались для меня со дня первого налета на Ленинград со стороны Финляндии. Это произошло вскоре после выступления Сталина по радио.

За воздушным боем, проходившим в стороне Левашово, наблюдал я с крыши нашего дома. Чувство обиды давило меня: наши «истребки» не могли достать немецкие самолеты, летевшие в сторону города. Не изменяя своего строя, как будто не обращая внимания на стрельбу по ним из пулеметов. Кроме того, два наших упали, оставляя за собой черный «хвост». Налет был сорван появлением в небе со стороны Кронштадта двух «Чаяк». Немецких самолетов было более десятка. Повернув назад, они скрылись за горизонтом, нарушив свой строевой порядок.

Вскоре произошло еще одно памятное событие. Будучи на улице, я услышал стрельбу пулеметов, доносившихся сверху. То был воздушный бой между четырехмоторным самолетом врага, летевшим в сторону Ленинграда со стороны Финляндии, и двумя истребителями, кружившими вокруг него. Меня удивило то, что все самолеты были похожи на наши. Бой был недолгим: четырехмоторный вдруг закачался и стал падать, как будто на один из истребителей. Вскоре возник вой, усиливающийся с каждым мгновением. Вой достиг такой силы, что мать, стоявшая рядом, схватила меня и закричала: «Прощай, сынок!» В то мгновение казалось, что самолет падает на нас, но в следующее мгновение очень близко ухнуло, да так, что не только меня с матерью, но и дом подбросило. Самолет упал не более чем в двухстах метрах от нашего дома. Посмотрев в небо, где только что был бой, увидел истребителей и трех парашютистов. Позже говорили, что парашютисты были задержаны в районе «Поклонки», в километрах трех-четырёх от нашего дома.

Когда я прибежал к месту падения самолета, там уже было много народу. Самолет упал около двухэтажного дома, повредив крылом один его угол. Опасаясь взрыва бомб, милиция и пожарные отгоняли людей подальше от бесформенной кучи самолетного металла, в котором рвались патроны.

Об истории того самолета говорили, что он действительно наш, а экипаж немецкий. О цели его прилета распространялось много версий, достоверность которых никто не подтверждал. Главное в этом событии – это вой. Позже, зимой, подобный вой не пугал даже ночью, но вызывал сострадание к тем, кто мог пострадать от него.

Дух войны вживался в сознание, подчиняя себе ритм жизни: днем находились в доме, ночью в землянке, выкопанной на огороде недалеко от дома; говорили только о войне и об эвакуации.

К эвакуации относились по-разному: некоторые стремились уехать, боясь бомбежки и сдачи города, другие отказывались уезжать, обосновывая свое решение неприступностью города и окончанием войны как только ударят морозы, нежеланием покинуть свой дом,

боясь менять адрес, говорили об опасности в пути.

Дедушка был противником эвакуации, при этом добавлял: «Если придется погибнуть, то умрем все вместе в своем доме, а не на чужбине, кто где».

Его решение «умрем все вместе», очевидно, стало основанием моего побега из колонны школьников.

В августе вызвали в школу ребят младших классов. Пришедших построили во дворе и куда-то повели. Наслышавшись об эвакуации школьников, я сообразил, что нас уводят «на чужбину». Выбрав удобный момент, когда рядом шедшая учительница отвернулась, я прыгнул в канаву и через лаз в заборе перелез в чей-то огород, где спрятался в картофельной ботве. Просидев там некоторое время, огородами пробрался домой. Дома рассказал матери о случившемся. Она решила не пускать меня в школу. Как ни странно, но мне было жаль. Особенно огорчала меня потеря возможности встретиться с Галей, которую любил с первого класса.

О моей любви стало известно всем и даже учительнице после поединка с второгодником из нашего же класса, бывшего тогда грозой всех первых четырех классов. Победа над ним принесла мне популярность, а Гале спокойствие. С того дня она

разрешила мне провожать ее домой и нести ее портфель.

Но война все больше и больше вносила свои коррективы в привычный образ жизни. Основной темой радиопередач стали сводки о событиях на фронтах. Все чаще звучал сигнал воздушной тревоги. Все продолжительнее щелкал метроном. Только эти передачи сохранились в моей памяти.

Из-за бомбежек центральных районов города жители стали переезжать на окраину. Поселялись и к нам, однако никто долго не задерживался: кто эвакуировался, кто возвращался домой, ближе к работе, так как с каждым днем ухудшался режим работы транспорта.

В жизнь горожан неудержимо внедрялся дефицит продовольствия. На овощных полях все чаще и больше появлялось людей с сумками и мешками. Они выкапывали оставшуюся картошку, собирали капустные листья и кочерыжки.

Мы не испытывали нужды в овощах, так как была своя картошка и капуста. Другие продукты мать иногда выменивала на квашеную капусту, когда ездила в город для поиска работы.

С этим периодом связано одно событие, сыгравшее важную роль в трагедии жителей Ленинграда.

Однажды мать решила ехать утром в город. Погода благоприятствовала. Бомбежек и обстрелов в

Мама со своим братом Владимиром. 1960-е гг.

эту часть дня не ожидалось. Собрав сумку и попрощавшись с нами, она направилась к выходу. В момент открытия двери раздался мощный взрыв. Дом, как мне показалось, подпрыгнул. Вскоре последовал второй взрыв, но меньшей силы. Звук взрывов донесся со стороны города. Предположили, что это неожиданная бомбежка, при этом нашего района. В таком случае матери ехать нельзя. Однако взрывы больше не повторялись. Мать уехала. Вернувшись домой из города, она рассказала о взрыве Бадаевских складов.

По рассказам очевидцев, склады горели так сильно, что пожарные не могли подойти к ним близко. Запах горелых продуктов разнесся на большое расстояние. Расплавленный сахар тек ручьем вдоль дороги.

После того события мать иногда выменивала на капусту спекшийся или горелый сахар.

В городе поговаривали о диверсии с целью уничтожения запасов продовольствия. Предсказывали опасность возможности голода.

Фронт быстро приближался к городу.

Когда отец оказался совсем близко, в районе станции Понтонный, мать решила его навестить. С большим трудом (и не без помощи военных) нашла его.

Вернулась она с решением эвакуироваться. Отец убедил ее в этом. Готовясь к отъезду, она продала почти всю картошку и капусту, но дедушка и на этот раз отговорил ее.

Горе быстро и неотвратимо внедрялось в каждую семью.

Беды нашей семьи начались той же осенью. Из письма мужа старшей тети, бывшего тогда на фронте, узнали, что она с детьми погибла в Великих Луках, где жили в тот период. Пропал дядюшка (он был тогда под Сталинградом). Умер дедушка: он попал под бомбежку в городе, куда ездил для наведения справок о дядюшке. После смерти дедушки ухудшились отношения матери с бабушкой, что привело к полному разъединению семей.

Ближе к зиме недостаток питания в полной мере стал касаться и нашей семьи, так как оставшаяся картошка и капуста кончились, а матери так и не удалось поступить на работу, поэтому ей выдали иж-

дивенческую карточку. Пришлось и нам искать на полях «съедобное». Находка несколько замерзших капустных кочерыжек считалась большой удачей. Когда поля покрылись толстым слоем снега, возможность найти что-либо вовсе исчезла.

Мать ходила на свалку, куда выбрасывали отходы после разделки туш забитого скота на бойне. Вывозили отходы ночью. Там собиралось много людей. Они дружно набрасывались на телегу, нагруженную отходами, или на кучу уже сброшенного груза, хватали что попадетсЯ в руки, тащили, пытались отбиться от нападавших, кому не удалось что-либо выгнать. Если ухватятся за что-то нескольких человек, возникает потасовка. Если удалось скрыться в темноте с добычей, значит повезло. Иногда и мать возвращалась домой с добычей.

Однажды она не вернулась домой, как обычно, к утру. Мы были охвачены страхом. Только утром она пришла сильно уставшая и расстроенная. Ей удалось выгнать из кучи что-то большое и тяжелое (как ей показалось, коровий желудок и кишки), но скрыться в темноте с добычей не успела: на нее напал мужчина и отнял все. Мать бросилась второй раз в дерущуюся толпу, но кучи отходов уже не было. Огорченная, пошла на дорогу и вдруг на что-то наступила. На ощупь подобрала «что бог послал», сложила в мешок и с этим пришла домой. Когда мы с сестрой вытряхнули из мешка содержимое, то были удивлены: это были чьи-то кишки, покрытые толстым слоем жира. Вскоре бойня прекратила выбрасывать отходы, а позже и вовсе закрылась.

Семья бабушки оказалась в лучшем положении, так как ее младшая дочка (моя младшая тетя) была беременной, поэтому получала рабочую карточку; невестка (жена дядюшки) работала в столовой училища (типа ремесленного) уборщицей, куда ее приняла по ходатайству военкомата после отправки дядюшки на фронт. Благодаря этому они получали две рабочие, четыре детские и только одну иждивенческую карточки. Относительное благополучие семьи определялось не только удачным сочетанием карточек, но и возможностью отоваривать эти карточки через столовую. Что обеспечивало надежность и регулярность полу-

чения продуктов, при этом часть карточки невестки оставалась в пользу семьи, а также наличием у них картошки и капусты.

Мать не раз просила бабушку о помощи, но та отказывала. Иногда невестка наказывала бабушке отдать нам что-нибудь из «съестного», но та не проявляла щедрости.

Нехватка продовольствия быстро переходила в голод. Люди из города стали ловить кошек и собак. Пропала и наша кошка. Кота бабушки, Костю, и свою овчарку, Джульбарса, я тщательно оберегал. Они и сами стали осторожными и от дома не отходили.

Надежду устроиться на работу мать не теряла, но в город попадала теперь чаще пешком, так как транспорт работал с продолжительными перерывами.

Возможность выменять что-нибудь из продуктов резко уменьшилось, так как теперь она носила в город «отрезы» (материал на платье или костюм), а меняли продукты или золотые вещи и водку, реже продавала за деньги. Вначале ей удавалось выменять хлеб или крупу, но потом только суррогат, в основном дуранду или отруби.

Однажды мать выменяла тушу кролика. Мы с сестрой очень обрадовались, потому что давно не ели мясного супа. Через несколько дней мать открыла секрет «кролика» и предложила зарезать Костю. Нам было жаль его, а непричастности к кошатине уже не испытывали. Придя к выводу, что его все равно украдут, согласились. Трудности оказались в осуществлении убийства кота. Сосед, бравшийся за это, потребовал половину его «туши». После уговоров матери и сестры я, «как мужчина», согласился выполнить эту жестокую миссию, лишь бы не отдавать половину соседу (от денег он отказался).

Костя был сытым и сильным, а я голодным и слабым, поэтому мне не удалось его поймать. Пришел он на зов матери. Она его и поймала. Однако справиться с ним я не смог: он обычно был ласковый, теперь зверски царапался, отбивался всеми лапами и кусался, издавая крик дерущихся котом. Пришлось его окрутить обмоткой отца, сохранившейся с Финской. Незакрученными остались шея и голова, издававшая теперь пронзительный не кошачий

вой. Положив его на порог и придерживая левой рукой, я пытался поднять правой рукой плотницкий топор, с которым раньше свободно управлялся, что-то мастера. Теперь не мог поднять его. Пришлось поднимать топор двумя руками. Я намеревался отрубить Костину голову сразу, чтобы избавить кота от мук, но попасть по шее не удавалось. Когда все-таки попал, то удар оказался таким слабым, что только ранил его. Кровь пошла из шеи. Вой перешел в хлюпающее рычание. Наблюдавшие мать и сестра с ревом убежали в комнату. Даже Джульбарс, поджав хвост, забился под дом, откуда два дня доносилось его поскуливание. Я добил Костю, но двинуться с места не мог: тело сковало болью подобно судороге. С помощью матери добрался до кровати.

Бабушка, узнав о пропаже кота, несколько дней ругала и кляла всех, кто мог украсть его. Упоминала и нас. Ругать и клясть она любила и умела.

Ни вкуса Костиного мяса («кролик» был вкусным), ни сколько дней его ели, не помню. Помню возглас сестры, которой досталась его голова: «Мама, Костя смотрит!» Уговоры матери и острое ощущение голода смирили сестру.

Джульбарс отказался грызть Костины кости (они были дружны), хотя ему давно ничего не давали. Чем он питался – не представляю.

Норма продуктов, выдаваемых по карточкам, уменьшалась с каждым месяцем. Голод нещадно и непреодолимо захватывал город.

Однажды, еще в начале зимы, кто-то из нас, посмотрев в окно, увидел человека, упавшего в снег. Видно было, что он с большим трудом пытается подняться, опираясь

на столб нашего бывшего забора. Поднявшись на колени, он протянул руку в сторону нашего дома и что-то говорил или только шевелил губами. Мать вышла к нему, помогла встать и ввела его в дом. Это было нечто вроде старухи или старика, одетого в мужское пальто и укутанное в большой вязаный платок. Попив горячего кипятка «оно» заговорило. Оказалось парнем, жившим недалеко от нас. Он был известен нам. Называли его «бегуном» (был спортсменом). На другой день узнали, что «бегун» пришел домой, но ночью умер. Он был первым умершим от голода из известных мне случаев.

Скоро голод стал косить людей и целые семьи.

Смерть людей уже никого не удивляла. Даже сестра, вернувшись из магазина, стала спокойно рассказывать об умерших в очереди из ожидавших хлеба или что-нибудь из продуктов. Это стало обычным.

В борьбе с голодом некоторые шли на крайности. Сначала мать передавала распространявшиеся в городе слухи, позже рассказывала о том, что сама видела. Вскоре и я увидел результаты действия людоедов.

Как-то вечером с улицы донесся крик. Просили о помощи. Кричала женщина, безусловно не обессиленная голодом. Зов был очень жалобным и страшным, но выйти было некому. На другой день я пошел в сруб недостроенного дома за щепками и там увидел труп. Трупы я уже видел, поэтому не очень испугался, но этот был необычный и почти голый. По длинным разлохмаченным волосам не трудно было догадаться, что это была женщина, но на месте груди и ягодиц были большие дыры. С ног

тоже было снято «мясо». Эти дыры, кости ног и крик надежно сохранились в моей памяти.

Джульбарс пока был жив. О его существовании знали многие. Приходили и просили продать, обменять на какие-то золотые вещи или просто украсть. Согласился я на его убийство только тогда, когда мы оказались в крайне тяжелом положении, из-за чего, очевидно, усилился во мне инстинкт самосохранения и возникло чувство обреченности. Все это сочеталось с сознанием неминуемой гибели его.

Ослабевшая мать продолжала ходить в город для поиска работы. На этот поход уходило до десяти часов. В такие дни обязанность «отovarивать карточки» лежала на сестре, сохранявшей способность стоять в очереди, ожидая, не выдадут ли что-нибудь из продуктов. В один из таких дней она, придя из магазина испуганная и неужели плачущая, рассказала, что какой-то дяденька выхватил у тетеньки хлеб и запихал его себе в рот. Его за это били. Вскоре о подобных случаях она говорила буднично спокойно: «А сегодня опять дядьку (тетку) били за отнятый хлеб. Когда все разошлись, он (она) остался лежать».

Как-то мать вернулась из города очень поздно. Она еле держалась на ногах. Возвращаясь домой из города, она поскользнулась и упала. Позже был определен перелом копчика. Болела долго. Когда стала ходить, дома проколола ступню гвоздем, торчавшим из доски, которую оторвала от стены в комнате для дров.

И в том и другом случае я считал себя виновным...

*(продолжение
в следующем номере)*

¹ «Кукушками» называли финские паровозики, подобные стоящему на Финляндском вокзале. Ходили и отечественные паровозы, но они не возбуждали романтизма.

